

Жан Рэ

*Точная формула
кошмара*

ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва

2000

ББК 84.4Б
Р 35

Коллекцию ведет
Евгений Головин

В издании коллекции участвуют
Сергей Жигалкин, Ирина Колташева

Р 35 Точная формула кошмара / Пер. с фр.
А. В. Хорева, Е. В. Головина. – М.: Языки русской
культуры, 2000. – 512 с.
ISBN 5-7859-0181-1

Бельгиец Жан Рэ (1887–1964) — авантюрист, контра-
бандист, в необозримом прошлом, вероятно, конкистадор.
Любитель сомнительных развлечений, связанных с ловлей
жемчуга и захватом быстроходных парусников. Кроме всего
прочего, классик «черной фантастики», изумительный изо-
бретатель сюжетов, картограф inferнальных пейзажей.

© Е. В. Головин. Составление,
перевод, послесловие, 2000

© А. В. Хорев. Перевод, 2000

МАЛЬПЕРТЮИ

история фантастического дома

Перевод с французского
Андрея Хорева

Я посвящаю эту книгу моему славному собрату и другу Жюлю Стефану, одному из *Объединенных Авторов*.

Обращение к Станисласу-Андре Стееману, еще одному из *Объединенных Авторов*:

На 111 странице вашего *Убитого Манекена* написано: *Надо бы снести этот дом до основания — он производит на меня гнетущее впечатление чудовищного гасильника. Прошлое разъедает его, подобно раковым метастазам. Однако не в моих силах хотя бы взорвать чертово логово, как мы пытались сделать это еще мальчишками.*

Эти слова преследуют меня, Стееман.

Я поставил бы их эпиграфом к «Мальпертью», если бы имел на это право, но разрывы самых мощных снарядов не в силах рассеять его тень и вынудить содрогнуться витражи на его фасаде.

Ж. Р.

КРАТКИЙ ОБЗОР В КАЧЕСТВЕ ПРЕДИСЛОВИЯ И ОБЪЯСНЕНИЯ

В монастыре Белых Отцов мне повезло.

Ничего не стоило прихватить сколь угодно драгоценных вещей, однако меня, человека верующего, пусть и не слишком набожного, преисполняет ужасом сам помысел присвоить священные сосуды — будь они хоть из литого золота и серебра.

Достойные отцы долго еще будут оплакивать пропавшие палимпсесты, инкунабулы и псалтири, зато вознесут благодарственную молитву Господу, ибо отвратил нечестивую руку от их потиров и дароносиц.

В тяжелом оловянном футляре, спрятанном в тайнике монастырской библиотеки, я надеялся обнаружить парочку стоящих пергаментов —

не слишком щепетильный коллекционер хорошо бы за них заплатил, — увы, внутри оказалась лишь какая-то довольно неряшливая рукопись, которую я решил одолеть в дни будущего досуга.

И такие дни не замедлили наступить: моя вылазка не только обеспечила безбедный досуг, но и позволила зажить тихо и спокойно. Деньги — вот что делает человека порядочного, то есть живущего как все.

Здесь я вынужден сообщить кое-что о себе — по причине вполне очевидной — предельно кратко.

В семье мне прочили преподавательскую карьеру. Достойно закончив Эколь Нормаль, я защитил диссертацию на филологическую тему при общем восторге экзаменаторов — увы, здесь не место хвалиться подробностями. Теперь вам известна сфера моих интересов, и понятно, почему я не пренебрег упомянутой находкой и не смутился открывшимися запутанными, даже загадочными обстоятельствами. Результаты моих изысканий оказались поразительными сверх всякого ожидания...

Вытряхнув из оловянного футляра на стол ворох скрученных пожелтелых листков, я призвал в помощь послушническое терпение и любо-

знательность минувших студенческих лет: предстояла кропотливая работа, дабы поначалу просто разобраться, что к чему.

В глазах издателя вся эта кипа бумаги не стоила бы и гроша, ибо в избытке снабжена была бесконечными отступлениями, сомнительными суждениями и псевдонаучными концепциями.

Итак, перебирать, сортировать, отбрасывать твердой рукой.

А у авторов рукописи (четырёх или пяти — считать можно по-разному) рука, водившая пером, часто дрожала от ужаса.

Первым пишет незаурядный авантюрист и деятель церкви — он был рукоположен в сан, — его следует назвать Дуседам Старший, в отличие от потомка — поистине святого, досточтимого аббата Дуседама, единственного, кому удалось светлым лучом истины пронизать мрачную историю Мальпертюи. Итак, Дуседам Старший — первый, а Дуседам Младший — третий из авторов манускрипта. По моим подсчетам, авантюра Дуседама Старшего относится к первой четверти прошлого, девятнадцатого века, а озарения его внука аббата — к началу последней четверти оного.

Между ними, второй хронологически, — некий молодой человек, блестяще образованный и, на мой взгляд, превосходно воспитанный, но неизменно отмеченный каленой печатью злосчастья. Ему мы обязаны центральной частью всей истории.

В головокружительных и грозных арканах его судьба связана с событиями, разбросанными во времени и пространстве. Первые страницы повествования наводят на мысль о дневнике, в духе тех, что в прошлом веке вошли в моду у молодых почитателей «Сентиментального путешествия» Стерна. Однако по мере чтения такое впечатление рассеялось: очевидно, автор доверялся бумаге лишь в минуты тревоги, в предчувствии скорого прощания с жизнью.

Есть еще и маленькая, аккуратно исписанная тетрадка в металлическом переплете — с ней число очевидцев разных периодов нашей истории возрастает до четырех.

Аккуратный почерк принадлежит Дому Миссерону, покойному настоятелю монастыря Белых Отцов, где в ходе успешной операции мною и был изъят оловянный футляр. На последней странице тетрадки проставлена дата, незыблемая

века в безудержном потоке времени — 26 сентября 1898!

В-пятых и последних: к пишущим я должен причислить и себя; часто даже не зная об откровениях соавторов, все четверо — или, если хотите, пятеро — в совокупности начертали повесть Мальпертью, определив ей место в истории кошмаров рода человеческого.

Началом я положил краткую главу, оставленную несомненно Дуседамом Старшим, хотя он и не говорит от своего имени. В авторстве этих страниц меня убедил почерк — совсем в другой части манускрипта Дуседам Старший мимоходом и недвусмысленно упоминает о том, что рукопись написана им самим, а почерк в обоих случаях идентичен. Похоже, сей пастырь-рenegат, человек образованнейший, но исполненный злобы, намеревался в форме безличного повествования описать собственные похождения; упоминая имя Дуседама в третьем лице, он не щадит себя в коллизиях с другими персонажами, скорее напротив, находит циничное удовлетворение, живописуя в самых черных тонах свои злодеяния.

По-видимому, буйный образ жизни воспрепятствовал писательским устремлениям, и Дуседам ограничился несколькими страницами, весьма, однако, важными для истории Мальпертью в целом.

Я сохранил в неизменном виде весь фрагмент, включая заглавие.

часть первая

АЛЕКТА

глава вводная

ВИДЕНИЕ АНАХАРСИСА

Хоть вы и воздвигаете церкви, строите вдоль каждой дороги часовни и ставите кресты, вы не сможете помешать богам древней Фессалии вновь и вновь воскресать в песнях поэтов и книгах ученых.

ГОТОРН

Пелена тумана разорвалась и открылся остров, чью близость предвещал рев прибоя. Зрелище было столь устрашающее, что моряк по имени Анахарсис, судорожно вцепившись в румпель, заорал от ужаса и отчаяния.

Уже несколько часов его тартана «Фена» неслась навстречу гибели, влекомая смертоно-

сным притяжением этого чудовищного утеса; и вот он предстал в яростной вспышке молнии: гигантские белесые валы разбивались о непрístupные скалы.

Анахарсис кричал от страха смерти, ведь смерть была рядом с самого рассвета. Сначала обломком рея убило рулевого Миралеса, а когда суденышко дало крен на правый борт и схлынувшая вода обнажила левый шпигат, Анахарсис увидел труп Эстопулоса: голова юнги застряла в шпигате.

Со вчерашнего вечера «Фена» не слушалась руля, и все действия Анахарсиса были чисто инстинктивными.

Впрочем, он сознавал, что полностью утратил ориентацию, дрейфуя по воле враждующих ветров и неизведанных течений. За много лет плавания по родным морям он ни разу не видел этого острова.

Ветер с губительно близкого берега донес отвратительный запах анагира, трижды проклятой травы, — моряк понял, что стал жертвой злых духов.

В вышине над гребнями скал парили огромные формы — не найти иного имени, дабы назвать то, что он увидел: гигантские, вне всякого человеческого разумения, формы — омерзительно человекоподобные и разнополые, судя по мощным контурам одних и плавным очертаниям других. Рознились они и величиной: одни почти в челове-

ческий рост, иные напоминали безобразных карликов, — впрочем, моряк мог ошибиться из-за расстояния.

Оцепенелые в позе мучительного отчаяния, призраки, казалось, пронизали взором бушующее над ними небо.

— Трупы, трупы с гору величиной, — всхлинул моряк, в страхе закрыв лицо при виде некоей фигуры, невыразимо величавой в своей грозной неподвижности.

Лишь одно видение не парило над скалой — оно слилось с ней воедино. Поистине нечеловеческое страдание исказило его очертания: казалось, гигантская рана, подобная рваному зеву пещеры в теле горы, не давала угаснуть отвратительной судороге — последнему знаку жизни в inferнальной покойнице.

Но вот... зоркий глаз моряка уловил в вышине движение — тень скользнула в разрыве меж клочьями тумана... да, теперь он бы поклялся, что видит птицу — птицу величины немыслимой. В порывах ураганного ветра пернатый монстр то возносился, то снижался, однако неизменным фокусом причудливых орбит его полета оставался силуэт, плененный скалой. Неуловимое мгновение — и чудовищный хищник низвергся на свою жертву, свирепо и жадно терзая когтями и клювом призрачную плоть...

Вихрь обрушился на тартану, закружил волчком и отбросил далеко в сторону от кипящего

прибоя. Мачта и бушприт сломались, словно стички, и труп юнги выбросило за борт.

Обломок рангоута рухнул на Анахарсиса — удар пришелся по голове.

На миг он потерял сознание, а когда очнулся, цеплялся уже не за румпель, а за расщепленную культю мачты.

Остров и отвратительные видения поглотил туман, но прямо перед Анахарсисом маячила еще более мерзкая личина. При виде жестоких глаз и безобразно вывернутых губ моряк едва не закричал от ужаса, но тут же понял, что кошмарная образина, столь устрашающая на первый взгляд, вовсе не таила злобных намерений, ибо принадлежала резной деревянной фигуре.

Фигура венчала высокий заостренный форштевень, неотвратимо нависший над левым бортом «Фены»; секунда — и маленькое суденышко, не выдержав таранного удара, пошло ко дну.

На борту неизвестного корабля все же успели заметить Анахарсиса и в последний миг спасли от морской пучины, удачно подцелив багром.

С переломанными ребрами, невыносимой болью в крестце, с залитыми кровью волосами и бородой Анахарсис улыбался: наконец-то он снова на матросской койке, в маленькой каюте, освещенной подвесной лампой, — и среди людей. Несколько человек разглядывали спасенного и переговаривались между собой.

Один из них, дочерна загорелый и обветренный исполин, озадаченно поскреб в спутанной гриве темных волос.

— Дьявол что ли занес сюда проклятую тартану? — проревел он. — А?

Его собеседник пребывал в неменьшем удивлении.

— Надо бы его допросить, да только ни черта не разберешь в этой тарабарщине. Пошлика за Дуседамом: он парень дошлый, авось что и выудит от утопленника, если только опять не нажрался в стельку.

У койки Анахарсиса появился заплывший жиром тип с лицом, покрытым чешуйками какой-то заразы, и злобно косящими глазками. В знак приветствия он показал Анахарсису язык.

И обратился к моряку на его родном наречии островов архипелага.

— Как ты попал в эти места?

Дабы оправдать ожидания своих спасителей, Анахарсис с величайшим усилием собрался и, одолев боль, сдавившую грудь, кое-как заговорил о своих блужданиях, об ужасной буре, забросившей «Фену» далеко от родных берегов.

— Твое имя? — спросил человек по имени Дуседам.

— Анахарсис.

— Как? Еще раз!

— Анахарсис... В нашем роду это имя передается от отца сыну.

— В бога душу! — возопил Дуседам своим со-товарищам.

— Ты что, Дуседам? — изумился кто-то.

— Подавиться мне своим ночным колпаком, если это не перст судьбы!

— Ну-ка ты, сальный бурдюк, в чем дело? — приказал черноволосый.

— Терпение, господин Ансельм, — с насмешливым почтением отозвался жирный тип, — надобно кое-что припомнить, сообразить...

— Под виселицей будешь припоминать и со-ображать, наставничек чертов! — загремел гос-подин Ансельм.

— Анахарсис, — неизвестно кому поклонив-шись, объяснил Дуседам, — философ скифского происхождения, жил в VI веке до Рождества Христова, объездил все аттические острова и пытался учредить в Афинах культ Деметры и Плутона. В дела божественные соваться не всег-да безопасно, и потому затея Анахарсису доро-говато обоилась — беднягу удушили.

Владелец «Фены» ничего не понимал и, чув-ствуя, что слабеет, снова заговорил — на сей раз о кошмарных видениях туманного острова.

Слушая его, Дуседам вдруг принялся вопить и жестикулировать.

— Вот оно! — радостно осклабился он. — Друзья мои, обещаю вам золота полный трюм! Анахарсис, глашатай божественной воли, через последнего потомка завершает свою миссию. Так

значит, века и тысячелетия фантомам не по-меха!

Господин Ансельм озаботился:

— Уточни, в каком направлении двигалась тартана последние часы.

— Прямо на юг, — едва слышно прошептал раненый, когда Дуседам перевел вопрос. — А что?

— Пассажиры нам не нужны, — порешил гос-подин Ансельм.

— Видно, Анахарсисам на роду написано уду-шение, — захохотал толстяк Дуседам.

Разговора Анахарсис не понял, но угадал свою участь — лица людей, подаривших ему час жиз-ни, были неумолимы.

Моряк зашептал молитву, которую ему не суждено было дочитать в этом мире.

Прежде чем вернуться к рассказу Дуседама Старшего, я представляю читателю первую часть повествования Жан-Жака Грандсира. Как уже сказано, его исповедь-воспоминание наиболее важна для нашей истории: пожалуй, все ужасы Мальпертюи так или иначе сопряжены с траги-ческой судьбой Жан-Жака Грандсира.

ДЯДЮШКА КАССАВ ОТХОДИТ

Тот, кто постигает тайну своей смерти,
а живущим оставляет тайну своей жизни,
обкрадывает и жизнь, и смерть.

СТЕФАН ЗАНОВИЧ

Дядюшка Кассав скоро умрет.

Белоснежная, то и дело подрагивающая борода ниспадает на грудь, сам дядюшка утопает в красной перине. Ноздри втягивают воздух, словно он напоен сладостными ароматами, огромные волосатые руки готовы вцепиться в любую добычу. Служанка Грибуан, принеся чай с лимоном, выразилась так:

— Вещички упаковывает.

Дядюшка Кассав услышал.

— Пока еще нет, женщина, пока еще нет, — ухмыльнулся он.

Прислуга ретировалась — испуганно шелестящий смерч юбок; а дядюшка добавил, обращаясь ко мне:

— Не так уж долго мне осталось, малыш, но ведь умирать — дело серьезное, и спешить тут не следует.

Минутой позднее он снова блуждает взглядом по комнате — ничего не упуская, будто составляет окончательную опись: игрок на теорбе — статуэтка поддельной бронзы; тусклая миниатюра Адриана Броуэра¹; дешевенькая гравюрка — женщина играет на старинной колесной лире; и ценнейшая «Амфитрита» кисти Мабузе².

Стук в дверь, входит дядя Диделоо, здороваются:

— Добрый день, двоюродный дядя.

Он один из всей семьи так называет дядюшку Кассав.

Диделоо — чинуша и зануда. Карьеру начинал учителем, да с учениками так и не справился.

Теперь он заместитель начальника в одной из муниципальных служб и, насколько может, третирует подчиненных экспедиторов.

— Ну, начинайте выступление, Шарль, — говорит дядюшка Кассав.

— Охотно, двоюродный дядя; опасаясь, однако, вас чрезмерно утомить.

— Ну так повосхищайтесь собой молча и побыстрее — мне ваша физиономия не больно-то приятна.

¹ Броуэр (Брауэр) Адриан — фламандский художник (1605 или 1606 — 1638).

² Мабузе (наст. имя Ян Госсарт или Госсарт) — фламандский художник (1472 или 1478 — ок. 1533/1536). — *Здесь и далее примечания переводчиков.*